

Перова Екатерина Юрьевна

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВРЕМЕНИ В БОГОСЛОВИИ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА

Статья раскрывает особенности представлений о времени в богословии и отечественной философии XX в. Основное внимание автор обращает на выявление аспектов религиозного мировоззрения в философских концепциях времени, которому близки характеристики вертикального восхождения, становления, осуществления, субъективного восприятия времени. Человек заключает в себе сочетание вечного и временного, светского и религиозного начал.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/39.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 152-155. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Городовое положение с законодательными мотивами, разъяснениями и дополнительными узаконениями. СПб., 1912.
2. Иордан К. Пожарное дело в России // Пожарное дело. 1898. № 2.
3. Ландезен Ф. Э. Пожарное дело в России и за границей. СПб., 1905.
4. Ландезен Ф. Э. Пожары в России и борьба с ними. Тверь, 1910.
5. Пожарная тактика: правила тушения пожаров в вопросах и ответах. СПб., 1907.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1881. Собрание 2. Отд. 1. Т. 45.
7. Справочник пожарного на 1916 г. / сост. Д. Н. Бородин // Важнейшие разъяснения Правительствующего Сената по пожарному вопросу. Петроград, 1915.
8. Требев Н. П. Из поездки за границу // Пожарное дело. 1910. № 3.
9. Яворовский П. К. Пожарная охрана городов Поволжья. СПб., 1909.

**ABOUT DUAL POWER PROBLEM IN FIRE BRIGADES MANAGEMENT
WITHIN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH CENTURY**

Nataliya Yur'evna Novichkova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Classical Disciplines
Ivanovo Institute of State Fire-Fighting Service of RF Ministry of Emergency Situations
n.nature@mail.ru

The author analyzes the problem situation which arose in urban fire departments management in the second half of the XIXth century, determines the reasons of dual control implementation over Russian public fire-fighting brigades' activity on the part of local authorities and police, and also emphasizes these power structures representatives' incompetence in fire-fighting organization.

Key words and phrases: local self-government authorities; control over fire brigades supplies; conflict situations between police and city administration; financial violations.

УДК 1(091)

Статья раскрывает особенности представлений о времени в богословии и отечественной философии XX в. Основное внимание автор обращает на выявление аспектов религиозного мировоззрения в философских концепциях времени, которому близки характеристики вертикального восхождения, становления, осуществления, субъективного восприятия времени. Человек заключает в себе сочетание вечного и временного, светского и религиозного начал.

Ключевые слова и фразы: сакральное и линейное время; светское и религиозное мировосприятие; вечность; ценностные ориентиры.

Екатерина Юрьевна Перова, кандидат культурологии
Кафедра мировой культуры
Московский государственный лингвистический университет
eperova71@list.ru

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВРЕМЕНИ В БОГОСЛОВИИ
И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА[©]**

Укладу человеческой жизни свойственны стремительность и быстротечность, в наши дни большое значение приобретает категория скорости, объединяющая понятия пространства и времени. Быстротечное время как бы безотносительно к людям и событиям и является временем отчуждения от жизни, время в таком случае навязывает свой ритм и «устанавливает свою тиранию, которой вынуждены подчиниться люди», — отмечает А. Я. Гуревич [3, с. 137].

В христианской культуре сознание человека обращено, прежде всего, к внутреннему, духовному, содержанию мира. Значимым становится каждое мгновение *линейного* времени в жизни человека, потому что оно имеет связь с преображенным временем — вечностью. Время земной жизни в христианстве воплощает переход к вечному, иному, потустороннему миру, что связано с преображением «внутреннего» человека, с восстановлением совершенной его природы как образа Божия, каким человек был создан. В связи с этим в богословии представления о времени раскрываются через понятия сотериологического, эсхатологического времени, времени искупления, очищения, ожидания и приготовления. Описание различных граней духовного времени можно найти в Священном Писании, в трудах Святых Отцов и богословов. Время «творит в душе удивительные дела, — говорит Блаженный Августин. — В тебе, душа моя, измеряю я время... Впечатление от проходящего мимо остается в тебе, и его-то, сейчас существующее, я измеряю, а не то, что пришло и его оставило. Вот его я измеряю, измеряя время» [1, с. 229].

Сакральное и линейное время сосуществуют в масштабах исторических эпох и внутри человека; время существует не только объективно, но и субъективно переживается человеком по-разному и в пределах одного общества, и в различных обстоятельствах жизни. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что обозначение двух данных типов времени носит условный характер, так как *невозможно* провести строгую грань между сакральным и линейным временем или светским и религиозным мировоззрением. На подобное разделение можно указать в изобразительном искусстве, где икона отличается от портрета; сложнее отделить житие от жизнеописания, и почти невозможно строго определить светское и религиозное мировоззрение. Таким образом, уместно говорить о *тенденциях*, о стремлении к освоению сакрального времени.

Среди современных отечественных философов к пониманию сакральной природы времени приближается Н. Н. Трубников. В книге «Время человеческого бытия» указывается на различия в индивидуальном, субъективном ощущении времени, на то, что одну секунду нашей жизни можно сделать другой, наполнив её другим содержанием и, таким образом, иным временем: «...если именно в восхождении, в человеческом осуществлении жизни, а не в существовании как таковом заключается истинно человеческая сущность, то истинно человеческая сущность времени также заключается в человеческом его осуществлении. В конце концов, люди живут именно в том времени, какое они реально осуществляют в своей практической деятельности» [9, с. 251]. Подобная позиция может быть рассмотрена как отличная, например, от однозначного определения времени в материализме, где время определяется как *всеобщая, объективная форма последовательной смены явлений и состояний материи*, характеризующая длительность их бытия; к универсальным свойствам времени относятся в таком случае: *длительность, неповторяемость, необратимость* [8, с. 252, 1067]. Таким образом, в философии советского периода преимущественно исследован естественно-научный аспект времени, который относится к физической реальности. В таком случае существует возможность подмены, когда за временную реальность принимается одномерное определение «естественно-научной фотографии времени» [9, с. 176]. Однако время может пониматься, прежде всего, как мера изменения и становления того или иного события. Н. Н. Трубников отмечает, что «идея временной целостности, целостности временного определения, едва развитая в настоящее время... ещё не находит в современном научном познании удовлетворительного решения» [Там же, с. 238].

Восприятие времени в христианском сознании приобретает особенную двойственность: с одной стороны, постоянство полноты сакрального времени, с другой стороны, существующее историческое время не осуществилось и представляет собой стремление к цели и окончательному исходу – вечности. «Времени не было», «времени не будет» – вот как вкратце можно определить тему «начала» – Книги Бытия и тему «конца» – Апокалипсиса, возвышающихся над современным историческим «время есть», – утверждает В. Н. Ильин [7, с. 20]. В христианском мировосприятии земное бытие относится к вечному как относительное к абсолютному; акцент смещен от цикличности на векторность. Земная история представляется в виде линейной последовательности. Священная история развивается по прямой линии, и вместе это – единый, но неповторяющийся цикл, вмещающий период от Сотворения мира до Страшного суда. «И любя эту жизнь, – пишет отец С. Булгаков, – мы должны взирать за её грани. Христианская вера, надежда, любовь не могут окончательно задерживаться во времени, но стремятся к тому, что за временем, что есть и основание времен... Живя во времени, мы носим в себе образ вечности» [2, с. 128-129].

Духовному времени присуща идея длительности, снимающая конкретность перехода и последовательности от определенного начала к концу, эта идея целостности подразумевает, прежде всего, измерение внутренней полноты и плотности моментов. В таком случае возможен «выход из своего рода чисто физической параллельности физического измерения времени и последовательности исторического его наполнения в объем, цельность и целостность реального, индивидуального и неповторимого; во временную целостность, заданную внутренней связью временных мгновений, специфической формулой связи временной длительности, последовательности, емкости и полноты» [9, с. 239].

Высшая временная реальность предлагает возможность перехода из дурной бесконечности в иную, чем длительность как таковая, связь бытия, в целостность человеческого осуществления. Из структуры исключительно горизонтального существования представляется возможным переход *в структуры восхождения и становления*. «Если время физической длительности самой по себе есть время своего рода горизонтального распространения, то истинно человеческое время есть время развития, время человеческого становления, время восхождения» [Там же, с. 245].

Вертикальное измерение имеет отношение и к временной длительности и последовательности, но только к последовательности восхождения, «к величине преодоления инерции, усилия и напряжения этого восхождения» [Там же]. Не в горизонтальном и физическом заключается истинная сущность человеческого бытия, «горизонтальна лишь плоскость человеческой стопы, подошвы его ног, которыми он опирается о землю, и вертикальна, в сущности, не одна только физическая организация человеческого тела, его строение, его костяк и положение его головы, но и сама его духовная организация» [Там же, с. 246]. Оставаясь мерой человеческого бытия в качестве шкалы измерения, время оказывается шкалой изменения человеческого бытия. Время оказывается не только общим условием существования, но и результатом осуществления жизни, не безразличной и чуждой человеку стихией, но наполненной осмыслением бытия.

Понимание времени в богословии неотделимо от понятия вечности. «Аспект вечности, по-видимому, был чужд сознанию варваров, познававших с ним под влиянием христианства» [3, с. 92]. Своеобразие сакрального и линейного начал ярко сопоставляется, когда проявляется отношение к религии. Историческая

эпоха может выделять ту или иную черту понимания сакрального времени, или, другими словами, каждой эпохе характерна какая-то грань полноты времен. Так, например, в эпоху Средних веков в системе мировосприятия «библейского времени», вечно длящегося и непреходящего, временное измерение не было только формой существования мира, но было неотделимо от высшего духовного бытия. Временному началу была присуща качественная определенность, время могло быть «добрым» и «дурным», «сакральным» и «мирским» [Там же, с. 135]. Понимание времени в христианстве связано с *опытом*, внутренним и субъективным. Поэтому основное различие между научным и богословским пониманием времени заключено в сопоставлении знания и опыта. Исследование категории времени религиозным сознанием – не только область формулировок и понятий, но и сфера непознаваемой тайны времени, в которую каждый человек вступает со своим личным опытом. Тема времени, как преимущественно принадлежащая «внутреннему» человеку, связана с самопознанием. Религиозное мировоззрение открывает новые грани в восприятии времени. В общей цельности мышления рассматривается и время – во временном ощущается вечное; вечность есть мера пребывания, а время – мера движения. Но цепь разновременных событий отражает или воплощает смысл «прособытия», имеющий вневременной характер. Так, линейное время может мыслиться как временное воплощение сакрального. Проблематика сакрального времени русской культуры затрагивает основополагающие для человеческого мировоззрения начала: жизни и смерти как перехода в вечность. Вечность, а не время становится в христианской культуре определяющей категорией сознания. Зная о вечности, человек уже участвует в ней и полагается на нее. Меняется акцент: от недоступности «овладеть» временем, зафиксировать, изобразить время для придания ему реальности полноты внимание переносится на попытку пережить событийность сакрального. А. Н. Зелинский утверждает: «Не бегство от неумолимой власти Хроноса прокламировало христианство, подобно гностикам и манихеям, а победу над ним, то есть преодоление времени путем его преображения и освящения... Не перспективу эсхатологизма “избранного народа”, ожидающего в конце времен Мессию для последнего торжества и господства в мире сем, а обратную духовную перспективу уже пришедшего однажды Мессии для оправдания ветхозаветного и спасения нового человечества. Не псевдоэсхатологию прогресса в плоскости истории, а единственно-истинную эсхатологию спасения, катастрофически развертывающуюся по координате времени в метафизическом пространстве человеческого духа» [6, с. 217]. Время становится безразличной к человеческой жизни стихией. В христианском понимании и восприятии категории времени уходит страх смерти. Перефразируя слова античного мудреца Протагора о том, что «человек есть мера всех вещей», А. Н. Зелинский замечает, что «человек есть и мера времени» [5, с. 64]. Тогда время зависит от восприятия его человеком. Отец А. Ельчанинов рассказывал о своем восприятии времени до принятия священства: «Меня всегда, особенно последний год, пугало быстрое течение времени; это потому, что я стоял на месте. Теперь (с решением принять священство) я пошел в разрез со временем или, вернее, нырнул в глубину, где время безразлично» [4, с. 54]. «Проблему времени» во все времена пыталась разрешить человеческая мысль. Отец А. Шмеман замечает, что в христианстве вместо «проблемы» времени открывается «дар» восприятия и ощущения этого понятия; опытное познание времени в христианстве предлагает не решение философской или богословской «проблемы», а именно дар, и «такова радость этого дара, что ненужной становится сама “проблема”» [10, с. 42].

При исследовании особенности светского и религиозного мировоззрения на материале представлений о времени выявляется ряд отличий. Линейное время определяется длительностью объективного времени и последовательной направленностью течения видимой жизни. Тогда как духовное время изучает «невидимую» жизнь человеческой души и внутреннее содержание явлений мира. Линейное время представляется возможным рассмотреть как некоторую поверхностную часть глубинного измерения духовного времени. В рамках философских идей XX в. выделяются следующие определения линейного времени: формы «существования», «структуры горизонтального измерения», однонаправленность и неповторимость, объективная временная реальность и «плоскость количественной определенности». Религиозному пониманию времени близки характеристики «вертикального восхождения», становления, осуществления, целенаправленности и цельности, наполненности и наполнения, субъективного восприятия человеком времени и «объем качественной определенности».

Список литературы

1. **Августин А.** Исповедь / пер. с лат. М. Е. Сергеевко; общ. ред. и вступ. статья А. А. Столярова. М.: Канон+; ИО «Реабилитация», 2005. 464 с.
2. **Булгаков Сергей, прот.** Слова. Поучения. Беседы. Париж: YMCA-Press, 1987. 535 с.
3. **Гуревич А. Я.** Категория средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 350 с.
4. **Ельчанинов А., свящ.** Записи. М.: Сретенский монастырь, 1996. 174 с.
5. **Зелинский А. Н.** Конструктивные принципы древнерусского календаря. М.: Наука, 1996. 77 с.
6. **Зелинский А. Н.** Освященное время // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. Париж, 1983. № 113. С. 209-250.
7. **Ильин В. Н.** Шесть дней творения: Библия и наука о творении и происхождении мира. Париж: YMCA-Press, 1991. 231 с.
8. **Советский энциклопедический словарь** / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд-е 2-е. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 1600 с.
9. **Трубников Н. Н.** Время человеческого бытия / ред. В. А. Лекторский. М.: Наука, 1987. 256 с.
10. **Шмеман А., прот.** За жизнь мира. N. Y.: Religious Books for Russia, 1983. 104 с.

IDEAS ABOUT TIME IN THEOLOGY AND NATIVE PHILOSOPHY OF THE XXTH CENTURY

Ekaterina Yur'evna Perova, Ph. D. in Culturology
Department of World Culture
Moscow State Linguistic University
eperova71@list.ru

The author reveals the features of ideas about time in theology and native philosophy of the XXth century, pays special attention to religious worldview aspects identification in philosophical conceptions of time, which is close to the characteristics of vertical ascension, formation, implementation, subjective perception of time, and shows that a man embodies the combination of eternal and temporal, secular and religious origins.

Key words and phrases: sacred and linear time; secular and religious worldview; eternity; value systems.

УДК 34

Статья посвящена становлению государственной системы противоэпидемических мероприятий в Российской империи в конце XVIII – XIX в. Особое внимание уделено эпохе императора Павла I, в царствование которого были заложены основы законодательного и правоприменительного уровней регулирования в данной сфере. Автор впервые анализирует Устав пограничных и портовых Карантинов от 7 июля 1800 г., который является первой кодификацией в сфере отечественной санитарной медицины.

Ключевые слова и фразы: эпидемия; моровая язва; медицина; карантин; медицинская коллегия; устав; правила; доктор; лекарь; губерния.

Ольга Глебовна Печникова, к.ю.н.
Кафедра государственно-правовых дисциплин
Университет Российской академии образования
lex1881@mail.ru

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ
В ПЕРИОД ЦАРСТВОВАНИЯ ПАВЛА I[©]**

На рубеже XVIII-XIX вв. была актуальна государственная задача по соблюдению «нужной осторожности против моровой язвы», что нашло отражение в Уставе пограничных и портовых Карантинов от 7 июля 1800 г. – Всеподданнейшем докладе от Действительных Тайных Советников: Государственного Казначея Барона Васильева, Коммерц-Коллегии Президента Князя Гагарина, Вице-Канцлера Графа Панина и Генерала от Инфантерии и Генерал-Прокурора Оболянинова [1] (далее по тексту все цитаты приводятся из этого же источника – О. П.).

Составление изложенных в нем «правил», касающихся «распространения, продолжения и предосторожности против оной», возлагалось на «медиков, как теориею по своей науке о сем ужасном рода человеческого поражении просвещенным, так и практическими испытаниями руководимыми».

Так, находящийся в документе Устав портовых и пограничных Карантинов, который мы рассмотрим далее, был поручен «Членам Медицинской Коллегии, Статским Советникам Карпинскому и Андреевскому и Коллежскому Советнику Виену».

Основной задачей ставилась разработка единых мер для «плавающих по Черному, Азовскому и Каспийскому морям и пристающим к учрежденным тамо портам прямо из тех мест, где язва возрождается».

Настоящий закон послужил формированию иного отношения к возможностям карантинной службы, позволяющим «умножить Государственный доход», предоставить возможность реализации обеззараженного товара и препятствовать разорению хозяев корабля.

Документ связывает причину возможного ранее разорения с предписанием «предавать огню корабль и другое мореходное судно со всем грузом, на котором оказалась моровая язва», либо с запретом заходить в порт. «Ради собственного спасения, скрыв свое несчастье», владельцы кораблей зачастую пытались спрятать больных, изменяли название государства, откуда прибыли, производили попытки войти в другой порт.

Российская империя, выбрав иной путь решения проблемы, связанной с всеобщей борьбой с «моровой язвой», использовала свой опыт, «умножила пред прежним число чинов и служителей, управляемых Карантинною Конторою», и увеличила им жалованье, определив «для карантинных издержек сумму по всем местам» в 208 945 руб. в год.

Губернаторы местностей, представляющих угрозу заражения, приграничных территорий обязаны были осмотреть карантинные заставы, описать их состояние, наметить план и смету в случае необходимости постройки нового здания, которую направить в Правительствующий Сенат.